

Шэнь Пэйлинь приподнял брови, его персиковые глаза с лёгким, почти неуловимым взглядом изучали собеседника. Этот человек был хорош собой, но характер его был слишком безрассуден. Не разобравшись, друг он или враг, он уже выпалил такие слова. Пока Шэнь Пэйлинь его рассматривал, тот тоже смотрел на него. Между мужчинами завязалось негласное соревнование, в котором каждый скрывал свои истинные намерения. Со стороны атмосфера казалась несколько двусмысленной, в воздухе витали скрытые эмоции.

— Брат Минлан, — напомнил ему Ань Жун, стоявший рядом.

Чжао Минлан внезапно осознал свою бестактность и быстро отвёл дерзкий взгляд, смущённо посмотрев в сторону и сухо кашлянув несколько раз.

Шэнь Пэйлинь, наблюдая за этим, улыбнулся уголком губ. Интересно, эта поездка в Храм Таожань явно не будет напрасной.

— Лян Хуайши — уважаемый канцлер нынешней династии. Впредь, господин Чжао, перед чужими людьми не стоит прямо называть его имя.

Эти слова, сказанные с добрыми намерениями, в ушах Чжао Минлана прозвучали как сарказм. Он едва не закатал рукава, готовый вступить в драку. Этот парень говорит так, словно читает официальную речь, чертовски утомительно.

— О, насколько мне известно, во всём мире только имя императора нельзя произносить вслух. Неужели Лян Хуайши уже может сравниться с нынешним Сыном Неба?

Ань Жун схватил его за руку, пытаясь остановить, но Чжао Минлан, будучи выходцем из семьи мастеров боевых искусств, привык говорить прямо, и теперь, когда эмоции взяли верх, его было не остановить.

— Ань Жун, зачем ты меня щиплешь? Даже если будешь щипать, я всё равно скажу.

Шэнь Пэйлинь смотрел на него с интересом и, чтобы подразнить, спросил:

— Господин Чжао, сколько вам лет? Вы уже женаты?

Чжао Минлан, собравшийся продолжить свою речь, был ошарашен таким резким поворотом темы. Он задумался, зачем тот спрашивает об этом. Неужели... хочет сосватать свою сестру? Он выпрямился, оживившись, и уже не выглядел таким озлобленным, как минуту назад.

— Я — Чжао Минлан из Гуанлина, мне двадцать шесть лет. Мой отец — бывший глава альянса мастеров боевых искусств Чжао Сяо. Все эти годы я жил без оглядки, стыжусь перед родителями и до сих пор не обрёл ни семьи, ни дела.

Шэнь Пэйлинь, хотя и знал, что эти двое — не простые люди, никак не ожидал, что отец одного из них — бывший глава альянса мастеров боевых искусств. С древних времён чиновники, крестьяне, ремесленники и купцы занимали свои места в обществе, но мастера боевых искусств тоже были силой, с которой нельзя было не считаться. Основатель династии Дунчэн был выходцем из престопадаря, но сумел поднять восстание и свергнуть предыдущую династию, став императором. Это показывает, насколько велика мощь мастеров боевых искусств. Хотя его отец был бывшим главой альянса, скрытая сила его влияния была неисчислима.

Чжао Минлан, видя, что Шэнь Пэйлинь глубоко задумался, не подавая виду, решил, что тот

обдумывает, стоит ли сватать за него свою сестру, и на его лице появилась довольная улыбка.

— Происхождение господина Чжао внушает мне благоговение.

Услышав такие слова, Чжао Минлан чуть не подпрыгнул от радости и решил перейти к делу:

— Господин Шэнь, вы слишком добры. Я слышал, что у вас есть младшая сестра. Не знаю...

Ань Жун, стоявший рядом, больше не мог этого выносить и подумал: «Ты ведь пришёл со мной по делу, а не свататься за себя». Он прервал Чжао Минлана:

— Я слышал, что ваш отец, господин Шэнь, — честный чиновник, который заботится о благе народа.

Шэнь Пэйлинь смотрел на него с глубоким взглядом, размышляя: «Вот в чём истинная цель вашего визита». Однако он не поддержал слова Ань Жун, лишь улыбнулся, как бы из вежливости.

Чжао Минлан, как всегда, был прямолинеен и снова выпалил:

— Но всем известно, что ваш отец и Лян Хуайши имеют разные политические взгляды.

В глазах Шэнь Пэйлиня на мгновение мелькнула жестокость, но он быстро сдержался и с холодной улыбкой ответил:

— Эти небылицы, откуда вы их слышали? Мой отец и господин Лян служат императору как коллеги, уважая друг друга. Откуда взялись разногласия?

Ань Жун с улыбкой, как весенний ветер, промолчал, его спокойствие напоминало безмятежный пейзаж.

Чжао Минлан почувствовал, что этот человек слишком неискренен. Он пришёл с добрыми намерениями, надеясь заключить союз, но получил такой холодный приём. В его душе закипело раздражение, и он уже не думал о какой-то призрачной жене. Прямо и резко он заявил:

— Ты, дружище, мастер притворства. Все знают, как обстоят дела между твоим отцом и Лян Хуайши. Честно говоря, мы пришли за твоей помощью, но теперь вижу, что зря сюда явились. Ань Жун, пошли!

Они развернулись и вышли. Едва они оказались за дверью, изнутри раздался голос:

— Подождите.

Ань Жун слегка улыбнулся, а Чжао Минлан сдержанно усмехнулся, обменявшись с ним взглядом, и вернулся обратно.

— Вы сказали, что хотите моей помощи. В чём именно?

Ань Жун немного помедлил и сказал:

— Нужно, чтобы ваш отец предоставил императору доказательства того, что Лян Хуайши сотрудничает с внешними врагами и сеет смуту при дворе.

— Доказательства? Откуда они?

— Вам не нужно об этом беспокоиться, мы всё уладим.

— Хорошо.

Союз между ними был заключён. Снаружи снег ярко блестел на земле, скрывая все тайны.

Вернувшись, они открыли дверь и увидели, как А Ци играет с маленькой жёлтой собакой. Улыбка на его лице исчезла, как только он увидел их.

— Господин, — А Ци встал и поклонился.

— Ха-ха-ха, Ань Жун, видишь, метод провокации сработал. Господин Шэнь попался на удочку.

Ань Жун с серьёзным выражением лица сказал:

— Ты действительно думаешь, что он поддался на провокацию? С самого начала, как мы вошли, он испытывал нас. Он не высказывал своей позиции, опасаясь, что мы посланцы Лян Хуайши, чтобы выведать его мысли.

— Ладно, не думай об этом. В любом случае, половина дела сделана. Теперь нужно собрать доказательства против этого негодяя.

А Ци слушал их разговор, ничего не понимая, и присел, глядя собаку.

Ань Жун мельком взглянул на А Ци. С того момента, как он вошёл, этот человек лишь встал и поприветствовал их, соблюдая субординацию, а всё его внимание было сосредоточено на собаке. В душе Ань Жун возникло некое недовольство, но он не мог понять, что именно его беспокоит.

В этот момент Чжао Минлан громко сказал:

— Пора спать. Эй... А Ци, да? Найди себе одеяло и спи на полу.

А Ци понял, что господин собирается ложиться спать. Видя, что Ань Жун уже устроился в постели, он встал и задул свечу на столе.

Внезапная тьма окутала всю бамбуковую хижину. А Ци сел на пол, прислонившись к углу стола, и закрыл глаза. Для слуги тёплый дом с печкой был уже роскошью.

Ночью Ань Жун внезапно открыл глаза и посмотрел на того, кто сидел в углу. А Ци спал крепко, его лёгкий храп был особенно слышен в тишине ночи. Ань Жун почувствовал раздражение, и в его теле вспыхнул огонь... Тот человек был прямо перед ним. Даже отвернувшись, Ань Жун чувствовал его присутствие, которое вызывало зуд в сердце.

Он не мог понять, когда именно его тело стало так сильно желать этого раба-черепахи. Наверное, он слишком долго находился среди женщин, отчего и возникла такая аномалия.

После долгой внутренней борьбы Ань Жун всё же подошёл к А Ци. В темноте его лицо было едва различимо, а пальцы слегка дрожали...

А Ци, находясь в полусне, почувствовал, как чьи-то руки снимают с него штаны. Он отмахнулся один раз, но руки снова начали их снимать. Раздражённый, он заставил себя открыть глаза и

увидел Ань Жуна в нижнем белье. Его длинные, белые руки снимали с него штаны. А Ци был ошарашен, не понимая, что происходит.

— Господин Лин, — его голос был тихим, сонным.

Ань Жун остановился и смотрел на него с противоречивыми чувствами. Спустя несколько секунд он произнёс:

— Дай мне.

А Ци не мог разглядеть его лицо. Штаны уже были спущены до колен, его пальцы слегка дрожали. А Ци молчал, не двигаясь. Они застыли в этом положении. Ань Жун убрал руку, но А Ци, словно лишившись опоры, схватил её.

— Я... да, — он согласился.

Он был рабом-черепашой, и ему не положено было капризничать перед господином. Если господин хотел, он должен был дать. К тому же, в глубине души он очень любил Ань Жуна и был готов принять всё, что тот ему предлагал.

В этот момент в комнате стало ещё тише. А Ци почувствовал, как всё его тело вспыхнуло от жара.

— Повернись.

Улыбка, зародившаяся на лице А Ци, замерла. Он на мгновение забыл о своём положении и глупо спросил:

— Почему...

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16237/1459373>